

**О критериях идентификации лексических
заимствований в лексикологии,
общей компаративистике и алтаистике**

Проблема лексических заимствований для сравнительно-исторического изучения алтайских языков более чем актуальна в нескольких аспектах. Первый и самый главный аспект до конца XX в. – ответ на главный вопрос о причинах лексических сходств алтайских языков: «Общее наследие или заимствования?». Второй аспект – взаимоотношения отдельных групп алтайских языков и межгрупповые заимствования как проявления их взаимодействия в диапазоне той лингвистической истории, которая известна нам по поверхностным групповым реконструкциям или письменным памятникам. Третий аспект – изучение взаимодействий алтайских языков с неалтайскими языками, в том числе и как источник данных по истории отдельных групп алтайских языков (проблема, разрабатываемая в основном для тюркских языков, но не менее значимая для тунгусо-маньчжурских). Четвертый аспект – выявление и исследование тех межгрупповых заимствований внутри алтайской общности, которые документируют неизвестные ныне языки. Это по существу *terra incognita* для алтайских языков, несмотря на большой объем примеров нарушения межъязыковых соответствий внутри тюркских или монгольских языков, не говоря уже о нетривиальных сходствах между словами разных групп алтайских языков, которые остаются незамеченными.

Нет сомнений в том, что самая систематика направлений изучения заимствованной лексики в алтаистике зависит от решения определенных сверхзадач, которые ставят для себя исследователи. Для «контралтаистов», стремившихся не столько выявить генетические связи монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков, сколько показать на основе формальных близких сходств совпадающих лексем и несходств в номинационной составляющей «базисной лексики», третий аспект проблемы терял значимость и сводился к изучению культурных контактов по

лексическим данным, четвертый же аспект игнорировался вовсе – так, коррекцию того суммарно-тюркского состояния, которое было представлено А.М. Щербаким [Щербак 1970], было невозможно себе представить, хотя она вполне осуществима по фактам тех же тюркских языков и тем более по фактам тюрко-монгольских корреспонденций (логика понятна: любые подвижки и даже простое исправление допущенных ошибок в групповых реконструкциях неизбежно выводили бы на проблематику родства). Для антиалтаистов (С.Е. Яхонтов, А.В. Вовин), проявлявших скепсис в отношении внутреннего родства алтайских языков, но допускавших существование ностратической макросемьи, и для «ортодоксальных» алтаистов вопросы о заимствованиях внутри алтайских языков были более чем актуальными как в плане выявления самих фактов и дезавуирования соответствующих примеров для реконструкции на уровне семьи, так и в плане использования данного материала для верификации и совершенствования групповых реконструкций. Не случайно Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Поппе написали об очевидных заимствованиях внутри алтайских языков едва ли не больше, чем «контралтаисты» вместе взятые, а такая работа, как книга А.В. Дыбо, целиком посвященная заимствованиям [Дыбо 2007], могла быть написана только с позиций ортодоксальной алтаистики, где средством контроля описания выступает по материалу знание родственных и неродственных отношений языков и языковых групп, а по системе – реконструкция на уровне семьи в ее известных вариантах и проявление этой реконструкции (опять же в системе вариантов) в виде реконструкции пратюркского и общетюркского состояния.

Проблемы критериев определения лексических заимствований внутри алтайских языков обсуждались неоднократно (см., напр. [Щербак 1997; Рассадин 2007; Новгородов 2009]). Однако вопрос о критериях выявления заимствований и установления направлений заимствований в работах этих авторов отвечал даже не столько достигнутому на то или иное время уровню знаний об истории алтайской семьи и отдельных групп входящих в нее языков, сколько задачам авторов и лишь отчасти – уровню изученности лексики отдельных групп алтайских языков или отдельных языков в исторической перспективе.

Так, В.И. Рассадин вслед за А.М. Щербаком перечисляет следующие критерии идентификации заимствований: 1) основной (внешнее совпадение), с поддержкой в этимологии; 2) фонетический (пример – ротацизм); 3) морфолого-этимологический (наличие мотивировки в языке-источнике); 4) критерий исконности (на фоне явных замен в языке-реципиенте); 5) семантический критерий; 6) калькирование [Рассадин 2007: 22 и сл.]. Все они требуют комментариев: а) совпадение звучания слов может быть результатом одинаковой эволюции (так, эвенк. *конг-но-рин* ‘черный’ указывает на архетип **kongro ~ *kangra* с одинаковыми рефлексами **kara* для общемонгольского и общетюркского состояний, и дискуссия о направлении заимствования тут теряет смысл); б) критерий идентификации внешнего облика слова с известными вариантами облика слова не может ограничиваться минимумом, документированным групповыми реконструкциями, и должен включать все возможные проявления дисперсии облика слов, в том числе и соотносительные с недокументированными языками; в) экспликация структуры слова есть надежный критерий его языковой принадлежности языку-источнику, но только если этимология не является придуманной, а словообразовательная интерпретация – сомнительной; г) критерий исторического анализа синонимического ряда реально эффективен, если учитывать то, что явные производные более претендуют на инновации, нежели сходные первообразные лексемы; д) любые несовпадения в семантике заимствований являются аргументом скорее против фактов заимствования, нежели в их пользу, ибо дифференциация значений есть обычное проявление процесса языковой дивергенции, и соответственно, логичнее трактовать как иллюстрации заимствований все то, что ей не соответствует, а отнюдь не факты несовпадений в семантике; е) кальки как проявление параллелизма внутренней формы являются красивым аргументом для указаний на заимствования, если только речь не идет о хорошо известных семантических переносах – изосемантических рядах (С.С. Майзель) или параллельных синонимических рядах (В.И. Цинциус). Реально ни один из пяти критериев определения заимствований, использованных в алтаистике, не дает стопроцентной гарантии факта и направления заимствования – обнаруживается масса случаев,

когда те или иные критерии не срабатывают; кроме того, оперирование одним-двумя критериями из нескольких предлагаемых (когда другие неприменимы или не срабатывают), на наш взгляд, методически некорректно.

В нашей работе предлагается новая система признаков и свойств лексических заимствований в словарном составе языков и групп языков, призванная иметь универсальный характер: для того, чтобы лексические схождения можно было признавать заимствованиями и определять их направление, единые критерии должны действовать для такого материала, как тюркизмы и иные ориентализмы (и не только ориентализмы) в русском языке, арабизмы в турецком, романская лексика в английском, европейские заимствования в корейском и японском, финно-угорские заимствования в русских говорах, монголизмы в тюркских языках и тюркизмы в монгольских языках, якутизмы в тунгусо-маньчжурских языках и тунгусо-маньчжуризмы в якутском и т.д.

Из числа критериев идентификации заимствований, предлагаемых нами, наиболее важны следующие: 1) единство ареала заимствования и контактной зоны в известных хронологических границах [Насипов 2010: 15–16] (можно сколько угодно спорить о направлении заимствований эвенк. Брг. *укар* ‘журавль’ и бур. *ухара* ‘цапля’ (в других монгольских и тунгусо-маньчжурских языках этих слов нет; спор обесмысливается наличием турецкого *okar* ‘выпь’, максимально удаленного от точки тунгусско-монгольского контакта); 2) типовой характер фонетической структуры заимствованного слова (примеры – японские или тюркские слова в русском и европейских языках); 3) сходство или тождество фонетической структуры слова от первого до последнего звука (с коррекциями на субституцию или позднейшие процессы); 4) соответствие языку-источнику в историко-фонетической перспективе его места в своей группе языков или системе дивергенций данной группы, даже если подобный язык отсутствует среди живых языков или памятников (пример последнего – слова с согласным *ч* на месте интердентального *D* в тюркских заимствованиях маньчжурского языка типа *хучин* ‘колодец’); 5) тождество основных значений слов (любое несовпадение значений трактуется иначе, если не известны реальные причины изменения семантики, как в русских названиях мастей ло-

шадей, соотносимых с тюркскими цветообозначениями); 6) системность заимствования слов данной лексико-семантической группы, поддерживаемая неединичностью заимствования слов данной группы (нарушения этой закономерности, как и несотнесенность систем значений, трактуются в пользу проявления признаков родства); 7) мотивированность слова в языке-источнике при ее отсутствии в языке-реципиенте [Дыбо 2007: 4] (только для производных слов и при недопустимости подмены словообразовательного анализа этимологическим); 8) кардинальные различия словообразовательных гнезд в языке-источнике и реципиенте; 9) ограниченная словообразовательная продуктивность заимствованных основ; 10) непродуктивность или специфическая продуктивность заимствованных словообразовательных элементов.

Практика показывает, что наиболее надежным и эффективным критерием идентификации и анализа направления заимствований является соотнесение вариантов слова в языке-источнике и языке-реципиенте с групповыми реконструкциями последних и при фактах потенциальных межгрупповых заимствований – с вариантами фонетической реконструкции на уровне семьи. Этот подход позволяет с большой точностью идентифицировать заимствования даже на уровне праязыка. Так, тюрк. **a:s* ‘горностай’, не имеющее явных параллелей в других алтайских языках, соотносится с эвенк. *амсир* и як. *амсыыр* ‘id.’, но соотносится таким образом, как соответствуют друг другу явно общеалтайские слова (см. [Бурыкин 1999]), а не как заимствования – однако это слово, видимо, не является общеалтайским при всех гипотезах: ср. чук. *эмчакокалгын* ‘горностай’, близкое к форме, предполагаемой для общеалтайского состояния.

Материал межгрупповых и ранних междиалектных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также материал заимствованной лексики в контексте тунгусо-маньчжуро-нивхских языковых контактов дают множество примеров для иллюстрации положений доклада.

Библиография

- Бурыкин 1999 – Бурыкин А.А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С.19–42.

- Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд; Пратюркский период. М., 2007.
- Насипов 2010 – *Насипов И.С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: Синопис и таксономия: Автореф. док. дис. Казань, 2010.
- Новгородов 2009 – *Новгородов И.Н.* Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи: Автореф. док. дис. Казань, 2009.
- Рассадин 2007 – *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Элиста, 2007. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков.
- Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- Щербак 1997 – *Щербак А.М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.